

**Смерть и погребеніе Преосвященнаго Григорія, епископа
пензенскаго и саранскаго.**

24 апрѣля, въ 9¹/₂ часовъ вечера, соборный колоколь возвѣстилъ печальную вѣсть. Всѣ догадались, что онъ возвѣщаетъ, и густыми толпами направились въ архіерейскому дому. Всѣмъ извѣстно было, что надъ Преосвященнымъ уже нѣсколько дней назадъ совершено было таинство елеосвященія, и что здо-

ровѣ Архипастыря находилось въ крайне опасномъ и безнадежномъ состояніи. Грустно тяжелое настроеніе выражалось на лицѣ каждаго. Всякій думалъ только о томъ, какъ бы проникнуть во внутрь дома, чтобы поклониться праху любимаго и уважаемаго Архипастыря. Но такъ какъ скончавшійся Преосвященный не былъ еще облаченъ, то желаніе пришедшихъ не могло быть удовлетворено. Полиція пропускала въ домъ только духовныхъ лицъ, а остальные должны были ждать начала паннихиды. Большаго усилія стоило полиціи, чтобы удержать стекшуюся и постоянно пребывающую публику отъ входа въ домъ. Мы успѣли пройти во внутрь тогда уже, когда Преосвященный былъ одѣтъ въ полное архіерейское облаченіе и, какъ живой, но въ высшей степени блѣдный и худой, сидѣлъ на креслахъ. При самомъ окончаніи облаченія, вмѣсто обычнаго — *Tou despotou* и проч., теперь заунывное тихое слышалось — вѣчная память. Въ покояхъ Преосвященнаго народу было уже множество. Грустная, тяжелая картина представилась нашему взору. Видъ сидящаго, съ поникшею головою и опущенными руками, Архипастыря, собирающее его какъ бы въ дальній путь духовенство, плачь родственниковъ и почитателей почившаго производили такое гнетущее впечатлѣніе, что трудно изобразить. Наконецъ, духовенство подняло Преосвященнаго на рукахъ и положило на приготовленный столъ. Началась первая заукойная паннихида. Между тѣмъ народъ продолжалъ толпиться у дверей дома въ ожиданіи того времени, когда возможно будетъ поклониться праху почившаго. Однакожь пока шла паннихида, этого рѣшительно не возможно

было достигнуто, такъ какъ домъ былъ полонъ. Панихиду совершало почти все градское духовенство. Сколько грустно — торжественнаго было въ этой печальной церемоніи! Во время панихиды неудержались уже отъ слезъ не только родственники покойнаго, но и многіе изъ духовенства и другихъ лицъ, имѣвшихъ съ Преосвященнымъ болѣе близкія отношенія и частныя сношенія, а такихъ лицъ, при рѣдкихъ и почетныхъ качествахъ почившаго — доступности и простотѣ, было множество. Казалось, что только теперь ясно сознали всѣ, какого Архипастыря они лишились и какую великую потерю они понесли въ почившемъ. Должно быть, природѣ чловѣка свойственно, что онъ вполне оцѣниваетъ лица и предметы только тогда, когда уже ихъ нѣтъ.

Преосвященный былъ боленъ около года, но онъ не оставлялъ своей обычной дѣятельности и занятій и служилъ неопустительно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ послѣдній разъ онъ служилъ въ крестовой церкви въ среду на страстной недѣлѣ и намѣревался служить въ четвертокъ, но силы оставили его, и онъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе. Съ этого дня ему становилось все хуже и хуже, и онъ уже не служилъ въ продолженіе всей свѣтлой седмицы. Нелегко было это Архипастырю, привывшему къ совершенію богослуженія въ каждый воскресный и праздничный день. Говорили, что по этому поводу Преосвященный плакалъ, выражая сожалѣніе, что онъ не можетъ служить въ такіе дни. Въ концѣ святой недѣли былъ консилиумъ. Больнаго лечили до сихъ поръ отъ катарра желудка; такъ, говорятъ, опредѣлили болѣзнь и въ Москвѣ, куда онъ

ѣздилъ во время великаго поста, для совѣта съ докторами. Но теперь нѣкоторые доктора твердо настаивали на томъ, что у Преосвященнаго ракъ желудка. Преосвященный почти не принималъ никакой пищи. Въ понедѣльникъ на оминой недѣли онъ пожелалъ оособороваться и причаститься. Преосвященный въ это время былъ въ полномъ сознаниі. Но вскорѣ затѣмъ сталъ терять сознание все чаще и чаще, въ два послѣдніе дня приходилъ въ сознание только на нѣсколько минутъ, а наконецъ и совсѣмъ лишился сознания. Въ послѣдніе два дня къ Преосвященному ходили всѣ, которые желали проститься съ нимъ. Умеръ онъ совершенно тихо и мирно.

25-е апрѣля былъ день паннихидъ. Рядъ паннихидъ открыла духовная семинарія, которая прибыла къ праху Преосвященнаго въ полномъ своемъ составѣ какъ учителей, такъ и учениковъ, въ 10 часовъ утра. Въ 11-ть часовъ служило паннихиду градское духовенство, въ 12-ть уѣздныя мужскія училища, въ 1 часъ — мужская прогимназія, въ половинѣ 2-го — женская гимназія, за нею землемѣрное училище, потомъ мужская гимназія; женское епархіальное училище служило паннихиду въ своей церкви. Вечеромъ, послѣ всенощной, опять была паннихида. Кромѣ учащихся и учащихся разныхъ учебныхъ заведеній, при совершеніи паннихидъ присутствовало много посторонняго народу, — словомъ, весь день покой Преосвященнаго были наполнены почитателями его. Сюда стремились люди всякаго званія и общественнаго положенія, всякаго пола и возраста; можно сказать, что въ этотъ день у почившаго Архипастыря пере-

бывалъ весь городъ. Фотографъ Вакуленко снялъ фотографическую карточку съ покойнаго, какъ онъ лежалъ въ своихъ покоехъ.

26-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, былъ совершенъ выносъ тѣла усопшаго Преосвященнаго изъ покоевъ въ соборный храмъ. Еще за полчаса до благовѣста около дома стали рядами воспитанники семинаріи и духовныхъ училищъ. До звона также собралось къ собору и дому много народа, а къ самому времени выноса вся соборная площадь была покрыта собравшимися гражданами. Въ сопровожденіи хоругвей всѣхъ градскихъ церквей и иконъ, при колокольномъ звонѣ, гробъ убранный зеленью и цвѣтами вынесенъ былъ на рукахъ протоіереевъ и священниковъ и поставленъ на приготовленное мѣсто въ соборѣ предъ амвономъ, противъ царскихъ вратъ. По причинѣ множества народа, въ соборѣ въ началѣ литургіи далеко не всѣ могли помѣститься. Только благодаря самымъ усиленнымъ стараніямъ полиціи и полковыхъ солдатъ былъ соблюденъ порядокъ и отстранена опасная давка. По окончаніи литургіи, прот. К. Ѳ. Смирновымъ была сказана прочувствованная рѣчь,—затѣмъ всѣмъ почти градскимъ духовенствомъ совершена была панихида. Долго по окончаніи литургіи не расходился народъ; каждому хотѣлось еще и еще взглянуть на дорогой гробъ; посѣтители не оставляли совершенно гроба ни на одну минуту. Въ 7 часовъ вечера опять соборно совершена была панихида, при многочисленномъ стеченіи народа.

27 числа, въ 11 часовъ утра опять, началъ собираться народъ на панихиду; храмъ почти былъ полонъ молящимися. Въ служеніи панихиды приняли

участіе и многіе изъ уѣздно-городскихъ и сельскихъ священниковъ, вторые узнали о кончинѣ своего епископа. Здѣсь же присутствовалъ и родной братъ архипастыря, священникъ Уфимской епархіи, прибывшій въ Пензу съ утреннимъ поѣздомъ. Съ вечернимъ (въ 6 часовъ) поѣздомъ прибылъ епископъ саратовскій Тихонъ, приглашенный, по желанію духовенства и гражданъ, вѣлѣдъ за кончиною Преосвященного. Въ 7 часовъ Преосвященнымъ Тихономъ въ сослуженіи градскаго духовенства, была совершена торжественная панихида. Храмъ опять былъ настолько наполненъ молящимися, что отъ духоты многіе не могли выстоять въ церкви всей панихиды и стояли уже въ притворѣ.

Сначала было предположеніе предать тѣло покойнаго землѣ на четвертый день по смерти, т. е. 28 числа; но преосвященный тамбовскій Палладій, назначенный Св. Синодомъ для совершенія погребенія, далъ знать телеграммой, что онъ не можетъ прибыть въ Пензу ранѣе вторника, и погребеніе было отложено до среды. 28 числа, въ 11 часовъ утра, совершена была панихида Преосвященнымъ Тихономъ въ сослуженіи городского и сельскаго духовенства, при громадномъ стеченіи народа, воспитанниковъ духовной семинаріи, нѣкоторыхъ училищъ женскихъ и мужскихъ. Послѣ панихиды самъ Преосвященный читалъ евангеліе около часа. Затѣмъ онъ отправился въ духовную семинарію, и, побывавъ въ каждомъ классѣ и семинарской церкви, отправился въ женское епархіальное училище. Въ 4 часа пополудни прибылъ преосвященныи тамбовскій Палладій, встрѣченный духовенствомъ и граждана-

ми столь же торжественно, какъ и преосвященный саратовскій. Въ 6 часовъ онъ совершалъ всенощную и за тѣмъ паннихиду. (*)

Въ среду, 29 апрѣля, духовенство и граждане Пензы простились съ своимъ Архипастыремъ. Трудно было опредѣлить, было ли это—торжество, или день печали. На этотъ день всѣ учебныя заведенія были закрыты; присутственныя мѣста были почти пусты. Всякій, кто не былъ задержанъ и отвлеченъ какимъ либо спѣшнымъ и неотложнымъ дѣломъ, спѣшилъ въ соборъ. Весь соборъ, притворъ, корридоръ, мѣсто въ оградѣ были заняты, не смотря на то, что полиція пропускала въ ворота собора съ разборомъ и далеко не всѣхъ. Соборъ былъ окруженъ толпами народа; скверъ былъ полонъ народомъ. Литургію совершали оба архіереи. Не знаемъ, видѣла ли когда либо Пенза такую торжественность богослуженія. Въ обычное время инспекторъ семинаріи І. П. Бурлудскій сказалъ надгробное слово. По окончаніи литургіи, когда уже духовенство градское и сельское заняло мѣста по сторонамъ гроба, Преосвященный Тихонъ, съ посохомъ въ рукѣ, обратился съ рѣчью. Простая, безыскусственная и въ то же время изящная рѣчь произвела трогательное впечатлѣніе; ясное, отчетливое и внятное произношеніе усиливали дѣйствіе; на глазахъ многихъ она вызвала слезы. Епар-

*) 29 апрѣля, около семи часовъ вечера, Преосвященный Палладій посѣтилъ женское епархіальное училище, сказалъ воспитанницамъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и далъ имъ на апельсины *десять руб.*, что такъ часто дѣлалъ и покойный Архипастырь.

хіяльное женское училище—плодь особенныхъ стараній и заботъ почившаго Архипастыря—возложило на гробъ его роскошный вѣнокъ, какъ дань особеннаго уваженія къ своему отцу и благодѣтелю.

Ровно въ 12 часовъ началось отпѣваніе и продолжалось около двухъ часовъ. При окончаніи погребенія, ректоръ семинаріи С. В. Масловскій сказалъ рѣчь. Ораторъ, начавъ твердымъ голосомъ, чѣмъ далѣе говорилъ, тѣмъ все болѣе и болѣе приходилъ въ волненіе. Въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ рѣчи голосъ его, не сдерживаемый чурствованиями, дрожалъ,—ораторъ не разъ останавливался, не могши говорить отъ душившихъ его слезъ... Мы достовѣрно слышали, что готовились еще рѣчи нѣкоторыми преподавателями семинаріи и однимъ изъ градскихъ протоіереевъ, но произнесеніе ихъ было отложено, такъ какъ времени прошло много и всѣ утомились. Когда духовенство, родственники и многіе граждане дали послѣднее цѣлованіе почившему Архипастырю, тогда тѣло его подняли и съ хоругвями и образами, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, обнесли во кругъ собора по чиноположенію. Несмѣтныя толпы народа не оставляли соборной площади до полнаго окончанія печальной церемоніи. Это было безъ четверти въ 3 часа.—Останки Пресвященнаго Григорія похоронены по правую сторону алтаря въ новоостроющей церкви, примыкающей къ зданію собора. Передаютъ, что мѣсто это избрано было еще при жизни самимъ покойнымъ Пресвященнымъ.

Такъ простилась Пенза и въ послѣдній разъ почтила своего Архипастыря.

Миръ праху твоему добрый Архипастырь нашъ. О, если бы небожители встрѣтили тебя съ такимъ же чувствомъ любви, съ какимъ провожали тебя твои пасомые! Да упокоить тебя Господь, послѣ твоей трудовой жизни и полезной дѣятельности, въ своихъ небесныхъ обителяхъ!

Не имѣя возможности въ настоящее время входить въ подробную оцѣнку дѣятельности покойнаго, которая отчасти изображена въ произнесенныхъ надъ нимъ рѣчахъ и надгробномъ словѣ, мы представимъ краткія свѣдѣнія о семъ по служебному его списку.

Преосвященный Григорій родомъ Костромской губерніи, сынъ священника; мірское имя его было Евлампій Петровичъ Медиоланскій. По окончаніи курса въ Костромской дух. семинаріи въ 1842 году онъ поступилъ въ Московскую духовную академію, обучался въ ней съ 1844 по 1848 годъ, и окончилъ курсъ по первому разряду. По окончаніи курса, онъ опредѣленъ въ Новгородскую духовную семинарію учителемъ по классамъ св. писанія и св. отцовъ греческихъ и латинскихъ. Въ слѣдующемъ 1849 г., 3 августа постриженъ въ монашество, 6-го августа рукоположенъ въ іеродіакона, а 15—въ іеромонаха. Въ Новгородской семинаріи онъ пребылъ до 1851 г. и въ должности помощника инспектора два раза исправлялъ въ ней должность инспектора. Въ 1850 г. покойный возведенъ въ степень магистра богословія, въ 1851 г. опредѣленъ профессоромъ и инспекторомъ въ Оренбургскую (нынѣ Уфимскую) дух. семинарію, въ 1855 г. возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ ректоромъ той же семинаріи. Будучи инспек-

торомъ и затѣмъ ректоромъ Уфимской семинаріи, онъ проходилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія должности: цензора проповѣдей, члена цензурнаго комитета, учрежденнаго при семинаріи для чтенія катехизическихкихъ поученій, члена дух. консисторіи, благочиннаго уфимскаго Благовѣщенскаго монастыря, члена правленія Уфимскаго училища дѣвицъ духов. званія, директора Оренбургскаго губернскаго о тюрьмахъ комитета, за что ему изъявлено Высочайшее благоволеніе; не разъ онъ обозрѣвалъ духовныя училища въ качествѣ ревизора. Въ 1863 году за отличную усердную службу сопричисленъ ордену Св. Анны 2-й ст., а въ 1865 тому же ордену съ Императорскою короною. Въ томъ же году онъ вызванъ былъ на чреду священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія, а въ 1867 г. 17 января утверждень епископомъ Выборгскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи. Вмѣстѣ съ симъ онъ проходилъ должность предсѣдателя статистическаго комитета С.-Петербургской епархіи и присутствующаго въ общемъ собраніи миссіонерскаго общества. Въ 1868 г. августа 21 дня онъ утверждень былъ епископомъ Пензенскимъ и Саранскимъ. Съ этого времени начинается уже его дѣятельность въ пользу Пензенской паствы и епархіи. Высшее начальство цѣнило его труды. Въ 1869 году онъ сопричисленъ былъ ордену свят. Владиміра 3 ст., въ 1878 г. ордену Св. Анны 1 ст., а 1880 ордену Св. Владиміра 2-й ст. Во время Сербской войны, Преосвященный принималъ дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій на устройство добровольнаго флота и за пожертвованія вмѣстѣ съ духовенствомъ на этотъ предметъ ему выра.

жена была благодарность Августѣйшимъ покровителемъ общества Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, а въ 1879 году онъ получилъ и знакъ Краснаго Креста.